
Лиора Эл
ЛЮБИМЫЙ ЧЕКИСТ
ВЫЖИТЬ ВМЕСТЕ

Лиора Эл

Любимый чекист. Выжить вместе.

https://litres.ru/74816384

Аннотация

1918 год. Давид Гартман чекист, Лидия Морозова монархистка. Он считает ее врагом революции, она не приемлет его работу. Ни один не поступается своими убеждениями, но непреодолимое чувство тянет их друг к другу. Они переживут опасные приключения, тюрьму, эмиграцию. В тексте есть: - Крутой, но душевный парень. - Упрямая, но страстная героиня. - Перестрелки и разборки. - Интрига, исчезновение мужа. - Измена, чисто случайно. - Скандалы и примирения. - Свадьба - Дети от главных героев. - Хэппи-энд.

От автора: Внимание: в книге присутствуют драматические реалии Гражданской войны. Но героев ждёт хэппи-энд. Много эротических сцен на любой вкус - от жестких до романтических.

Содержание

Глава 1. Незваные гости 4
Глава 2. Вкус клубники 23
Глава 3. Усмирение страстей 34
Глава 4. У меня никого не было 44
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Глава 1. Незваные гости

Я туже затянула на длинном сером платье поясок с вышитой надписью «Спаси и сохрани». Поправила узел косынки сзади под косой. Подняла глаза к мрачному небу. Грозовая туча ползла со стороны города Болшево к монастырю. Порывы ветра, не по-летнему холодного, заставляли ёжиться монахинь и послушниц, столпившихся в монастырском дворе. В распахнутые ворота въехал открытый автомобиль, где сидели трое. За автомобилем грузовик. Приехали большевики. Того хуже – чекисты. О «красных» в монастыре не то, чтобы плохо говорили, их считали нечистью, явившейся небо коптить.

– Торжествующие хамы! – вот как называла их наша игуменья, матушка Аглая, жилистая высокая старуха с изрезанным морщинами смуглым лицом. Она приходилась мне крестной. Больше близких ни в нашей Саратовской губернии, ни в России у меня не осталось. Недавно эмигрировала старшая сестра Софья с семьёй, меня с собой не звала. Это можно объяснить – я добровольно ушла в монастырь по обету. Только не знала, что при большевиках обители начнут закрывать.

Из машины вылезли двое – пожилой мужчина с седой бородкой, я узнала в нём бывшего директора женской гимназии Анатолия Марковича, и двое в военной форме и ко-

жанках. Оба высокие, широкоплечие. Тот, что постарше, лет тридцати, бритоголовый, плотный, с грубой и как будто сонной физиономией. Младший, стройный, чёрная чёлка падает из-под козырька фуражки. Взгляд светло-карих глаз из-под чёлки разбойничий, хищный, как мне показалось. К счастью, обшаривает этот взгляд добротные строения монастыря, а не женщин в мешковатых платьях. Бритоголовый показался мне менее опасным – медлительный, смотрит равнодушно.

– Не могу сказать, что день нынче добрый, гражданочки. – Протянул бритоголовый и зевнул, прикрывая рот широкой ладонью.

Монахини промолчали, я видела, как некоторые шевелят губами, читая молитвы.

– Я Борис Матвеевич Хватов, Председатель Губернского ЧК. И у меня для вас два сообщения. Первое. Монастырь закрывается вследствие того, что вы прятали на территории двух деникинских шпионов. Мы их взяли, они уже вовсю дают показания.

Второе. Те, чья невиновность будет доказана, могут остаться жить в монастыре в качестве служащих детского дома №10, который тут разместят. А те, кто связан с «белой» разведкой, отправятся к своему Богу раньше, чем предполагали.

Мать Аглая выступила вперёд:

– Мы ничего не знаем. Никаких разведчиков не принима-

ли. Это клевета. Повод закрыть нашу обитель.

Вдалеке глухо раскатился гром.

– А это что? – Хватов открыл планшет на боку, вынул вдвое сложенный лист бумаги, развернул? «Матушка Аглая дала нам рясы и посоветовала назваться монахами из Рязани, прибывшими поклониться местным святыням». Он поднял лист, потряс перед лицом Аглаи.

– Кровь! – Ахнула та и перекрестилась.

– Морду одному разбил. – Пояснил Хватов. – Сейчас разговор с вами будет. Прямо в монастыре и отфильтруем.

– Гроза начинается. Пошли в помещение. Гражданка пока ещё игуменья, ведите в кельи.

Аглая, опираясь на посох медленно пошла к зданию, где жили монахини. Те окружили её, заполошно шепча:

– Что делать, матушка?

– Языки прикусите.

– Так начальство же, спрашивать станут.

– Наше начальство на небе.

Вошли в коридор келейного корпуса. Хватов распахнул первую дверь и сказал своему молодому спутнику:

– Вот тут я буду допрашивать. А ты, Гартман, в следующей комнате.

Он обернулся к Аглае:

– Иди сюда, бабка.

Аглая вошла за ним. Черноволосый окинул хмурым взглядом монахинь, указал на меня.

– Вот вы.

Я онемела. Стоявшая рядом со мной послушница Таня чуть не потеряла сознание. Маленького роста, хрупкая, она всё время чего-то боялась. Мы с ней были ровесницами, восемнадцатилетними, даже похожи – обе светловолосые, голубоглазые, но я была выше и крепче неё, хотя полнотой тоже не отличалась – матушка Аглая считала, что сытость приводит к греховным помыслам.

– Идите сюда, вам говорят. – Гартман поманил меня рукой и вошёл в келью. Она принадлежала одной из старых монахинь. Узкая кровать, иконы в углу, столик у окна, табурет. Он снял фуражку, Мне даже показалось, что сейчас перекрестится, но Гартман просто положил головной убор на стол.

Сел на табурет и указал мне на кровать. Я прижалась спиной к притолоке. Он пожал плечами, достал из планшета блокнот и карандаш.

– Я заместитель председателя уездного ЧК Гартман Давид Александрович. Как Ваше имя?

– Лидия Морозова.

– Возраст.

– 18 лет.

– В монастыре на днях ночевали двое мужчин. – Он показал мне фотографии. Лица были знакомыми. От матушки Аглаи я знала, что это посланцы с Дона, где формируется Добровольческая армия, чтобы спасти Россию от большевиков. Разведчики присланы узнать о том, сколько военной

силы и оружия в нашем уезде, через который проходит железная дорога. Я не собиралась предавать тех, кого считала своими.

– К нам часто приходят паломники. Они ночуют в гостиничном корпусе и нам запрещено с ними говорить без благословения матушки. – Уклончиво пояснила я.

Он откинул чёлку со лба. Брови черные атласные. Ресницы длинные. Жаль, что у большевика такая внешность.

– Конкретно этих паломников вы видели? Матушка благословляла говорить с ними? – Терпеливо, как у ребёнка, спросил он.

– Я не видела, меня не благословляла.

– А кого благословляла? – Вкрадчиво продолжал чекист.

– Не знаю.

В это время из соседней кельи донёсся мат и звук выстрела.

– Он убьёт матушку! – Вскрикнула я и заметила, что у Гартмана дёрнулось веко.

– Он в потолок стреляет, пугает. А что с вами делать? – Огрызнулся он. – Вы же добром отвечать не хотите! Вот ты чего упираешься? Я по лицу вижу, что узнала мужиков!

– Не узнала.

– Хуже будет! – Он нетерпеливо застучал карандашом по столу, и я обратила внимание на то, какие изящные руки у этого чекиста. Идеальной формы, сильные, в меру крупные, с длинными гибкими пальцами. Такие руки у людей ис-

кусства, например, у музыкантов. Я забыла, где нахожусь, но «человек искусства» вскочил, подошёл, схватил за плечи, тряхнул:

– Говори правду! Иначе к стенке.

– У вас, наверное, опыт богатый. – Пробормотала я.

– А ты тихая, но наглая. – Заметил он. – Бывало. Расстрелами командовал два раза. Сволочь контрреволюционную пришлось кончать.

Я начала читать про себя молитву от нечистой силы. Гартман навис надо мной, я чувствовала жар, исходящий от его тела, запах хвойного мыла, бензина и табака. В распахнутом вороте гимнастёрки виднелись волосы на груди. Слова молитвы вылетели из головы. А ведь я знала её с детства. Волосы на груди – ужасно, в этом есть что-то животное. Или нет? Я смутилась, подняла глаза на его загорелое лицо. Подбородок тяжёлый, волевой. А губы нежные, четко очерченные, и краешек верхней губы немного приподнят, словно у капризной хорошенькой девушки.

– И что мне с тобой делать?

Вдруг он словно куклу бросил меня на кровать.

– Будешь говорить?

Скрипнула дверь.

– Вот с этого и надо было начинать! – Раздался довольный голос Хватова, он заглядывал в келью. Взгляд масляный. – А то притихли, как мыши. У него молодая девка, а он сопли жуёт.

– Товарищ Хватов, вы ошибаетесь. Я просто припугнул её. – Холодно пояснил Гартман. Голос у него был глубокий, звучный. Его хотелось слушать, не вдумываясь в смысл. Но очарование тут же прошло – от страха.

Хватов вошел в помещение, захлопнул дверь.

– А я своего не упущу. Глаза вытаращила. Сейчас начнёт орать, все её подружки за ум возьмутся. – Он взялся за верхнюю пуговицу своих галифе.

– Товарищ Хватов, допрос веду я. – Быстро, зло произнёс Гартман.

– Ну так веди. Вставь ей хорошенько, она и запоёт. Всему вас надо учить.

– Он рывком задрал на мне платье, удивился. – Панталоны? Я думал, монашки так ходят.

– Я не превышаю полномочий. И вам не рекомендую. – Гартман встал и крепко взял его за локоть.

– Ты мне? Я ж тебя на работу принимал. – Хватов, видимо, собирался вспылить, но только буркнул. – Я ещё разберусь с твоими заявлениями. Революцию в белых перчатках не делают.

И вышел.

– Видишь. – Сказал Гартман, подавая мне руку, словно не он на кровать толкнул. – Ладно, напишу, что фильтрацию ты прошла.

Я не подала руки убийце. Встала сама, бочком шмыгнула

к двери, выскочила, как ошпаренная, перекрестилась.

– Следующая ты. – Указал Гартман на послушницу Ларису.

– Искушение! – Громко заметила та, подмигнула подругам по несчастью и скользнула в келью.

– Эта прошла огонь, воду и медные трубы. – Говаривали о ней старые монахини.

Ларису сёстры сторонились. Раньше была продажной женщиной. Но, как сама рассказывает, однажды ей попала книга с историей святой, которая оставила стезю блудницы. Её судьба Ларисе запомнилась, и она поняла, что не сможет жить во грехе как раньше. Отправилась в монастырь и попросилась в послушницы. Случилось это примерно год назад. Ей было тридцать семь. Матушка Аглая не верила в покаяние Ларисы, считала, что проститутка стала старой для своего промысла, а на жильё не накопила, поэтому подалась в монастырь. Заставила Ларису принести медицинское свидетельство, что та не имеет дурных болезней.

Лариса была открытой веселой женщиной, но порой начинала вспоминать прошлое и рассказывать такое, что другие монахини в ужасе махали руками и уходили. А я не могла сдержать любопытства и слушала, пока не являлась матушка Аглая и не прогоняла Ларису, а мне приказывала положить сто поклонов.

Отрывки Ларисиных откровений запомнилась, волновали. Что если бы я не была послушницей? Тогда могла бы

встретить суженого, выйти замуж. И делать с ним то, о чём так красочно рассказывала Лариса, причмокивая сочными алыми губами. Теперь, когда монастырь закрыт, что мне делать с обетом, данным Богу? Искать другой монастырь? Но они закрываются по всей России.

За дверью кельи послышался возмущенный голос Гартмана.

– Возьмите себя в руки, здесь не публичный дом!

– Сам монастырь закрыл, нечего святошу строить!

Дверь распахнулась.

– Вы, гражданка, не в себе! – Зло выпалил вслед Гартман.

Лариса вышла, сверкая глазами, улыбаясь ярким ртом.

– Чего это он? Не обидел тебя? – Испуганно начали расспрашивать мы. Лариса, смеясь, отмахивалась.

– Он допрашивать, а я ему начала предлагать всякое. Мол, я тебя приласкаю, а ты меня отпустишь. И давай раздеваться. Он меня прогнал. Вот так, девки, надо чекистов распугивать. С другой стороны, обидно – неужто я вовсе красоту растеряла?

Я подумала, что Хватов, напротив, обрадовался бы такой готовности. Дальше допросы шли без приключений. Правда, из комнаты, где допрашивал Хватов, порой слышался мат. Таню допрашивал он, она вышла с задумчивым несчастным лицом.

– Он ничего с тобой не сделал? – Шёпотом спросила я.

– Нет, но он страшный человек.

Вскоре чекисты уехали и забрали с собой матушку Аглаю и ещё трёх пожилых монахинь.

– Наша совесть перед Богом чиста, – громко говорила, выходя из жилого корпуса, мать Аглая. – И государству Российскому мы не враги.

– Зато враги Советской власти. Полезай в кузов. И вы с ней. – Командовал Хватов.

Матушка Аглая, стоя в кузове грузовика, оглядела оставшихся монахинь. Казалось, она не боится своей участи. Крикнула:

– Крепитесь, сёстры. Идите по миру и несите слово Божие. А кто не принял постриг, выходите замуж. – При этом посмотрела на меня, крестницу.

Грузовик с арестованными уехал. А чекисты медлили, просматривали какой-то список. Появилась Лариса с чемоданчиком, подошла ко мне и Тане:

– Эх, девки, видно, придется мне вернуться к старому промыслу. Не хотела, а что поделать? Может, содержателя себе найду. Чекиста. Такого бы, как этот, к рукам прибрать, – кивнула в сторону Гартмана, – но старовата я. Ему едва за двадцать. Смотрите, девки, какой сладкий мальчик! Аж молодость вспомнила!

– Что это ты говоришь, сестрица? – Испуганно пролепетала Таня.

– Это же сущий зверь. – Добавила я.

– Навыдумывали. Я бы сама его съела. – понизила голос

Лариса. – Год назад, когда я ещё у мадам Жюли работала, завалились к нам несколько парней, и этот. Ну, выпили, каждый выбрал даму. А этот один сидит, хмурится.

Я к нему, спрашиваю:

– Тебе блондиночку? Брюнетку?

А он губы скривил, говорит:

– Мне не до баб. – Повернулся и вышел. Побрезговал. А я даже вспоминала его два дня. Может, не был еще ни с кем? Уж я бы сняла сливки.

– Лариса, не стыдно тебе? – Упрекнула я и показалась сама себе лицемерной, потому что хотелось слушать её рассуждения про красивого чекиста. Только более пристойные.

– Мне вот интересно, он из евреев или нет? – Громко продолжала Лариса. – Если еврей, значит, обрезан. Обрезанные, они долго могут… Проверьте, девки!

Лариса причмокнула, оглядев с ног до головы Гартмана, тот заметил её взгляд, свёл чёрные брови и отвернулся. Лариса хмыкнула и направилась к воротам, унося свои нехитрые пожитки.

– Что проверить? – Удивилась Таня. Я прошептала ей на ухо, она отшатнулась.

Таня была круглой сиротой, её родители умерли рано, а так как жили по-соседству с монастырём, девочка прибилась к нам. Мне тоже идти было некуда. Знала, что родительский дом, пустовавший после отъезда сестры, занят несколькими семьями рабочих. Значит, придётся оставаться в детдоме,

поневоле работать на Советскую власть. Но что будет с матушкой Аглаей? Как помочь крёстной?..

В келейном корпусе царила молчаливая суета. Монахини, у которых в миру остались родственники, собирали пожитки, и уходили. Многие со слезами. В моей душе нарастала ненависть к большевикам. Как можно быть таким жестокими? Лишить одиноких женщин крыши над головой.

Вечером голод пригнал в трапезную. Большую часть запасов давно забрали красноармейцы для военной части. Таня варила в чугунке картошку. Тут же сидела монастырская кухарка, Марфа, полная пожилая особа с вечно сонным добродушным лицом.

– В монастыре приют будет, слышали? – Ровно говорила Марфа. – Завтра детишек привезут. Чекист, который молодой, говорил, что мы будем за ними глядеть. Ишь, как распорядился. А деваться некуда. Паёк обещал. Начальником нашим будет бывший учитель гимназии – Анатолий Маркович Покровский. Вот что терпим за грехи наши.

Детей привезли на том же грузовике, на котором увозили монахинь. Из кузова ловко спрыгнули несколько мальчиков лет десяти, испуганно повизгивая, вылезли девочки. Я и Таня помогли выбраться малышам. Начали расселять их по комнатам в корпусе соседнем с нашим. Доставать со склада дополнительные койки, постельное бельё. Анатолий Маркович объяснял, что в сентябре детей будем учить. Все они младше десяти лет, те, кто старше, будут жить в другом при-

юте. Наверное, со временем воспитанников станет больше, как и сотрудников.

Наших питомцев распределят в два класса не по возрасту, а по грамотности. Тех, кто читает и считает, во второй класс, тех, кто ничего не знает, в первый. Я окончила гимназию, которой руководил Анатолий Маркович, и в прежние дореволюционные времена имела бы право быть учительницей. Таня была менее образованна, только три класса церковно-приходской, потому сказала, что готова быть только воспитательницей. Мне казалось, она скромничает. В келье Тани я видела много книг и, наверное, она была достаточно начитанной.

Пока дети бегали по монастырскому двору, играли. Старшие, десятилетки, уже начали шкодить. Залазили на колокольню. Пришлось закрыть дверь туда и в подвалы на замок. Приворовывали еду их кладовой, на это мы смотрели сквозь пальцы – дети оголодали. Убегали на речку. Мы спешили следом – вдруг кто-нибудь утонет? Анатолий Маркович советовал нам с Таней, как найти детям занятия.

Привыкшая к одиночеству, я старалась подавить раздражение. Никогда не мечтала о детях, и вдруг пришлось заботиться сразу о тридцати шумных и беспокойных мальчишках и девчонках.

Мой обет уйти в монастырь был связан с ребёнком. Два года назад я заканчивала гимназию и вовсе не собиралась становиться невестой Божьей. Моя старшая сестра Софья

была замужем. Она благополучно выносила ребёнка, но роды были очень тяжелыми. До сих пор помню крики Сони, плач нашей мамы, встревоженное лицо доктора, которого вызвали на помощь акушерке. Именно тогда, в панике, я дала обет уйти в монастырь, если выживут моя сестра и племянник. И они выжили! Но в моей душе появился страх перед родами. Значит, спасение только в монашеской непорочности.

Моя мама вскоре умерла. Я ушла в местный монастырь, где была игуменьей моя крёстная, матушка Аглая, и не тяготилась своей участью. Жили спокойно, в свободное от молитвы время работали или читали дозволенную литературу. Крёстная обещала свозить меня в Иерусалим. Я решила принять постриг через три года. Но через год, в 1917-м, произошла революция, а в 1918-м закрыли обитель.

Небольшим утешением стало то, что матушку Аглаю и трёх старших монахинь не приговорили к расстрелу, ей дали пять лет лагеря, остальным по три года, и увезли в Рязань. Об этом узнал для нас Анатолий Маркович. Я, Таня и Марфа немного успокоились, но испытания только начинались.

Через несколько дней после того, как в монастыре разместили приют, я проснулась ночью от шума. Выглянула в коридор. Там мелькали неясные тени, слышался жалобный голос Тани, незнакомые мужские голоса. Один силуэт показался знакомым – в свете керосиновой лампы, которую мы обычно оставляли на окне, блеснула бритая голова и широ-

кие плечи высокого мужчины. Борис Хватов? Тут меня кто-то схватил за руку, поволок. Через минуту я и Таня оказались в ярко освещенной комнате. Это была бывшая келья матушки Аглаи. Просторная, с широкой кроватью и массивным столом, где на небрежно брошенной скатерти стояли две полупустые бутылки. Под столом валялись ещё две. Значит, пирушка продолжалась довольно долго, а я спала, за день умаявшись на работе, и не слышала шума.

Из трёх мужчин, находившихся в комнате, мне был знаком только Борис Хватов. Все были пьяными.

– Ну что, девчата, довольны работой? Жалобы есть? – Вопросил Хватов, переводя мутный взгляд с меня на Таню и обратно.

– Спасибо. Нет. Всё хорошо. Мы пойдём. – Сказала я, крепко взяв Таню за руку, и повернулась к двери.

– А выпить за моё назначение? Я недавно Председателем ЧК стал, отмечаю. – Он налил в рюмки красное вино. – Кагор монашки вкушают.

– Мы не монашки, мы были послушницами, – пискнула Таня.

– Раз послушницы, значит, слушайтесь старших. – Хватов сунул нам в руки рюмки. Здоровенный, с мрачной физиономией, он надвинулся на нас, ждал подчинения.

– Простите, непьющие мы. – Жалобно сказала Таня.

– А ну открой рот и глотай! – Заорал вдруг Хватов. – Ломаются! Я вас проучу! С большевиками пить грешно?

Таня испуганно, мелкими глотками, выпила. Но я поставил рюмку на стол.

– Упрямая? Это хорошо. Люблю, когда такие потом пощады просят. Но начну с твоей подружки, приглянулась. – Он потянул к себе Таню. – Поцелуй-ка меня.

– Не надо, не трогайте. – Таня в смятении отталкивала тушу Хватова.

– Зря распищалась. У меня от такого писка дух захватывает.

Хватов потащил Таню к постели, я попыталась оттолкнуть от его от девушки.

– Держите эту суку! – Рявкнул Хватов.

Один из мужчин заломил мне руки за спину.

Таня на постели брыкалась, отбиваясь изо всех сил.

– Не хочешь на перине? – Прохрипел Хватов, подтащил её к столу, повалил животом на столешницу, задрал ночную рубашку. Таня пыталась вскочить. Хватов с багровым лицом одной пятерней припечатал её к столу, другой возился, расстегивая галифе, мелькнул толстый ствол мужского органа. Я смотрела с ужасом и невольным любопытством. Хватов, часто дыша, пытался засунуть в Таню свою омерзительную плоть. Таня порывалась встать, опираясь на стол, слёзы лились ручьём. Хватов за её спиной дёрнулся вперёд, Таня взвизгнула, я увидела, как напряглись её расставленные длинные ноги. Хватов схватил её за бёдра, снова дёрнулся.

– Не надо! Больно! – Закричала Таня, приподнимаясь. В

широком вороте рубашки оголились маленькие груди.

– Сейчас, сейчас. – Пыхтел Хватов. – Не зажимайся!

Казалось, он пытается войти глубже, но что-то не пускает. С размаху, звонко шлёпнул Таню по ягодице, она вскрикнула, Хватов за её спиной резко двинул бёдрами и прижался пахом к маленькому круглому заду. Таня взвыла.

– Ох, тесно! Хорошо! – Мотал головой Хватов, он потянул член обратно и снова загнал в дрогнувшее тело Тани.

– Не надо! – Закричала она.

По стройным белым ногам поползли две красные извилистые линии. Кровь. Хватов двигался неумолимо, яростно, ускоряя темп. Часто дышал, иногда стонал от наслаждения.

– Выньте! Постойте! – Умоляла Таня. – Я не могу больше!

– Привыкай. Терпи. – Рычал Хватов, тараня её лоно. От его толчков стол начал сдвигаться к двери. Таня скулила, скребла пальцами по столешнице. Капли крови дорожкой оставались на полу. Хватов вдруг извлёк торчащий член и обернулся ко мне.

– Сейчас и эту распечатаю.

Он подошёл ко мне, рванул ночную рубашку, впился взглядом в обнажённую грудь. Я впервые заметила, насколько она крупная, по сравнению с маленькой Анютиной, розовые соски непристойно торчат. Попыталась прикрыться, но рубашка сползала с плеч.

Вдруг дверь распахнулась. На пороге стоял Гартман. Он был в полурасстёгнутой гимнастёрке, галифе и сапогах. Ни

на одном мужчине эта обычная одежда не смотрелась так ладно. Из-под чёрной чёлки блеснули янтарные глаза. На минуту взгляд остановился на моей груди.

Потом Гартман рявкнул:

– Что тут происходит?

– С девчонкой играю, не видишь? – Нагло сказал Хватов.

– А ну оставь её. Ты не чекист, а пьяная свинья. – Отчеканил Гартман.

– Что? Да как ты смеешь, сопляк? – Хватов застегнул штаны, дико оглянулся и схватил с подоконника кобуру, но не успел вытащить пистолет. Гартман прыгнул, вывернул ему руку, Хватов упал на колени, а Гартман поднимал его руку все выше, словно выламывая из сустава.

– Прекратить! Отставить! – Кричал Хватов.

Гартман отпустил его, пистолет Хватова вынул из кобуры, сунул за свой ремень. Скомандовал:

– Товарищи, отвезите в тюрьму этого ублюдка. Иначе пойдёте как соучастники. Я сейчас же сообщу в Губчека об инциденте.

Говорил высокомерно, чувствуя свою правоту. Двое спутников Хватова повиновались. Подхватили тушу начальника, поволокли на улицу.

– Я тебе припомню! – Слышался голос Хватова.

Таня сползла со стола, проковыляла в угол и села на пол, закрыла лицо руками. Откуда-то появилась Марфа. Помогла Тане встать, увела. Я пошла к своей келье, Гартман нагнал

меня.

– Мне жаль, что так получилось. – Сказал он, и я ощутила запах вина, Гартман тоже был пьян. Но это не пугало, хотя мы стояли в темноте. Керосиновая лапа еле тлела, нужно было подкрутить фитиль. Я молчала, прислонившись к стене. Под срезом чёлки блестели глаза Гартмана. Раздувая ноздри, я жадно вдыхала его запах.

– Я праздновал вместе с ними в уездной ЧК, вдруг увидел, что Хватов исчез, кто-то из наших сказал, что он уехал в детдом. Я сразу за ним. Он пьяный ведет себя как последняя скотина… – Он помолчал и вдруг добавил, – и я, наверное, не лучше.

Наклонился и крепко поцеловал меня в оголённую грудь. Я дёрнулась, как от ожога. Ощущение было потрясающим, тревожным, сладким. Гартман резко повернулся, покачнулся и направился по коридору к выходу.

Как он посмел? Почему? Словно с уличной девкой. И я тоже хороша – стояла, не прикрываясь, минут десять, будто приглашала. Была в забытьи от его близости. Я бросилась в свою комнату, задвинула засов, но прикосновение горячих губ… нет, не прикосновение, он буквально впечатал их в кожу, запомнилось.

Продолжение следует. История будет долгая и драматическая.

Подписывайтесь.

Глава 2. Вкус клубники

Ранним утром, едва открыв глаза, я вспомнила о Гартмане. Пошла на кухню, готовить детям еду, и думала о Гартмане. Носила воду, думала о нём. И мне не надоедало перебирать в памяти вновь и вновь дивные картины – Гартман в расстегнутой гимнастерке, Гартман выкручивает руку своему начальнику, Гартман в коридоре целует меня – крепко, горячо. Хотелось снова оказаться в темноте, и чтобы он повторил.

Вместо окружающего мира весь день передо мной был чекист. Его светло-карие глаза, четко очерченные губы и волевой подбородок. Интересно, Гартман знает, что красив? Наверняка.

А может, он только кажется мне особенным? В монастыре я два года не видела молодых мужчин. Здесь появлялись паломники, но я обычно работала на огороде. А огород за монастырём. И вдруг в мою жизнь ворвался этот человек. Высокий, широкоплечий, с властным звучным голосом. Ворвался и разрушил мою жизнь. Монастырь закрыт, матушка Аглая попала в концлагерь.

Но тут же я начинаю оправдывать Гартмана: он даже не начальник, это не его приказ, а ещё он защитил меня от того ужасного лысого типа.

Меня то охватывала радость от того, что я встретила этого

мужчину, то наворачивались слёзы на глаза – он же «красный», враг всего святого.

Конечно, в гимназические годы, до того, как принять обет, я увлекалась мальчиками. Даже появился поклонник из мужской гимназии, который несколько раз гулял со мной по вечерней аллее. Мы два раза целовались. Но Гартман стал для меня магнитом, тянуло к нему с ужасающей силой.

Я верила, что он появится снова. Это произошло через неделю. Поливая огород за стеной монастыря, я услышала звонкие голоса воспитанников. Поставив вёдра, быстро пошла в монастырский двор. Навстречу с безумными глазами метнулась Таня:

– Там чекист!

Она едва опомнилась после насилия.

– Это не Хватов! – Попыталась я остановить её, но Таня уже пробежала мимо. Во дворе стоял длинный стол, за которым мы в погожие дни кормили воспитанников или учили их читать. Вдоль стола две скамьи. Сейчас на одной из скамей сидел Гартман, его окружили дети. Они весело что-то обсуждали и ели конфеты. Дешевые леденцы, зато много – огромный пакет лежал на столе и конфеты рассыпались по нему. Увидев меня, он встал и вежливо поздоровался. Явился наглец – подумала я с замиранием сердца, и небрежно кивнула.

– Здравствуйте, товарищ Морозова. Я детишкам конфеты принёс, – сказал он, опустив глаза. Я заметила, что правая рука у него перебинтована от запястья до локтя, под рукавом

заметно. Строит из себя раненого героя – мелькнуло в голове, но я не удержалась и спросила:

– Здравствуйте. Что у вас с рукой?

– Пустяки. Саблей задели. Слышали, банда появлялась на станции?

– Нет. – Сухо ответила я. – Про повстанцев я ничего не слышала.

- О, так они для вас повстанцы? Борцы за Святую Русь? – Помрачнел чекист.

– А вы за что борцы? – Спросила я как можно более ядовито.

– Хватов уволен с поста Председателя. – Отчитался он.

– Всего-то? – Хмыкнула я.

– Я тоже считаю, что он легко отделался. – Нахмурился Гартман. – Я бы расстрелял такую сволочь. Позорит Советскую власть!

– Она к своим добра. – Продолжала я ехидно.

– У него в Губчека брат. Наверное, заступился. Ну что я сделаю? – Он развел руками, поморщился от боли. Мне больше не хотелось говорить ему неприятное.

– Я пойду. До свиданья. – Тихо сказал он. Я с сожалением вздохнула и невольно произнесла:

– Зачем так сразу? Побудьте ещё, дети вам рады.

Он улыбнулся и сел на скамейку.

– Хотите конфету? – Спросил он.

Обожаю сладкое, но в монастыре не принято лакомить-

ся. Теперь я не удержалась и выбрала мятную конфету, а он клубничную. Одновременно развернули фантики. Перекатывая во рту леденец, спросила:

– А где вы это взяли?

– Конфеты? Реквизировал. Точнее, продукты из магазина реквизировал Совнархоз, а я контролировал. Попросил у товарищей конфет для детдома. Дали пять кило.

– Зачем все эти реквизиции?

– Конкретно в этом здании будет какая-то контора.

Но я не удержалась и развила свою мысль:

– Реквизиции это воровство у законных хозяев.

– Причём здесь воровство? Всё поступит народу по твёрдым ценам. Разве вас устраивает, что торгаши цены поднимают?

– Вообще-то нет. – Мне не понравилось, как быстро он нашёл ответ. Но тут он зажал розовую карамельку белыми зубами, а потом снова начал рассасывать. Это мгновение вышибло все умные мысли у меня из головы. Только подумала, что губы у него почти такого же сочно-розового цвета, нежные и, наверное, сладкие. Рот у меня наполнился слюной, наверное, от вкуса мяты. Яростно разгрызла свою конфету и проглотила.

– Дядя Давид, а вы меня научите стрелять? – Спросил самый младший мальчик – Васятка, пятилетний, с белыми как лён кудряшками.

– Подумаю! Нам нужны бойцы! Впереди мировая рево-

люция! – Радостно ответил Гартман, потрепав его по голове.

– И я хочу научиться стрелять! И я! – Загомонили дети, даже старшая из них, веснушчатая длинная Надя.

– В следующий раз. – Пообещал Гартман.

– Вы серьёзно? – Спросила я. – И не думайте!

– А что? Я принесу холостые патроны! – Он поднял глаза, которые вовсе не казались разбойничьими. Открытый добрый взгляд. Я растерялась.

– Это же дети. Им не хватает обычных игрушек. Негде взять.

– Мы как-то не подумали… Слушайте, их элементарно можно сделать. У вас глина есть?

– За церковью. Он поднялся и пошёл туда. Там высилась гора глины, которую в прошлом году завезли для ремонта – хотели оштукатурить заново трапезную. Гартман наклонился, взял щепоть глины, помял, покачал головой. Потом обошёл с другой стороны и вдруг воскликнул:

– Здесь есть и белая глина! Отличный материал.

– Вы предлагаете слепить игрушки? Но никто из нас этого не умеет. – Сказал я.

– Я умею. Надо развести глину.

– У вас рука болит. Я сама глину разведу.

– Я не намочу бинт.

Глину он долго разминал в медном тазу, иногда морщился от боли в руке. Я не останавливала его, но жалела всё сильней и сильней. Потом он научил ребят, как бить комок гли-

ны об стол, чтобы она стала совсем готова к лепке, упруго тянулась в руках. Когда он начал ловко лепить птиц и зверюшек, я поняла – его изящные руки – это руки скульптора. Ребята заинтересованно повторяли за ним работу. Окружили, спрашивали:

– Правильно, дядя Давид?

– Хорошо получилось?

И он для каждого находил добрые слова. Никогда дети не смотрели на меня с таким обожанием, как на этого чекиста. Может быть, потому что я просто механически выполняла свои обязанности. Прости, Господи, я не чадолюбива.

Одна из игрушек, сделанных им, привлекла моё внимание – стоящий на задних лапках котёнок.

- У меня был точно такой! – Воскликнула я. – Белый с рыжими пятнами, фаянсовый. И на животе надпись – золотистые буковки в овале «Усово». Это посёлок, где фаянсовый завод!

– Да, я там работал подростком, когда ушёл из дома. – Пояснил он. Я хотела спросить, почему ушёл, но постеснялась.

– И вы лепили игрушки? Котят? – Прыснула я.

– А ещё пастушек, цветочниц, целующихся голубков. Безделушки для обывателей. – Презрительно пояснил он, словно стесняясь такой работы. – А хотелось, знаете, делать что-то настоящее.

– Революцию?

– В Революцию я пришёл позже. Когда понял, что без неё

ничего не изменить. А поначалу мечтал стать скульптором. Вспоминал статуи, которые видел в музеях.

– Вы бывали в музеях? – Удивилась я.

– Да. Но у меня не хватало средств даже на попытку поступить в какое-нибудь учебное заведение после гимназии. Поэтому там, на заводе, жалкие поделки меня просто бесили. – Процедил он.

– Но они нравились людям. Именно из народа. Если для вас имеет значение простой народ. Я у многих в домах видела такие безделушки. А своего котёнка обожала.

Давид сразу просветлел лицом, улыбнулся, поднимая на ладони зверька, я заметила, что котёнок умоляюще протягивает ко мне лапки.

– Вы меня простите? – Прошептал чекист.

– Я плохо помню, что произошло. – Солгала я, покраснев.

– Я тоже плохо помню, был пьян. – Он опустил длинные ресницы. Потом поднял, решительно глянул. – Нет, помню. Я никогда не вру. Извините, мне очень стыдно. Я, наверное, вас напугал.

– Вы меня не напугали. Вашего начальника я действительно испугалась. – Призналась я. – Но при детях такое лучше не обсуждать.

Прозвучало это как приглашение к продолжению разговора, Давид зацепился за возможность и предложил:

– Давайте сходим и наберем воды, руки помоем.

Дружненько мы зашагали к колодцу. У меня в голове не

было ни одной умной мысли, кроме:

«Боже, какой котик!». Но это относилось не к поделке Гартмана.

Похоже, Гартман тоже плёл что попало, лишь бы остаться наедине со мной:

– С вашей подругой всё в порядке? Увидев меня, она бросилась бежать.

– А вы как думаете? Я удивляюсь, что она осталась в своём уме.

– Может быть, стоит отвезти её к врачу?

– Лучше просто не беспокоить. Время и молитва излечивают.

Мы остановились, но почему-то не у колодца, а за церковью – там, где нас никто не видел.

Я вспомнила присказку Ларисы «Язык до сеновала доведёт».

– Вы так и не сказали, что прощаете меня. – Напомнил он.

– Прощаю. Ой, у вас кровь на руке.

– Не обращайте внимания.

– Я же говорила, чтобы не поднимали ведро с глиной.

Красное пятно расползалось на рукаве.

– Надо что-то делать.

– Зачем вы делаете вид, что жалеете меня? Вы же на стороне повстанцев? – Он с подозрением прищурился.

– Милосердие превыше политических разногласий. – Пояснила я.

– Не нужно лицемерить. Недаром вы деникинцев привечали. – Давид хмуро обвёл взглядом двор, словно искал улики преступления.

– Действительно, какое мне дело до вашего ранения? Поделом! – Его недоверие вывело меня из себя.

– Вот ваше истинное отношение к Советской власти! – Хищно воскликнул он, словно обрадовался, что вывел на чистую воду.

– А вы донос на меня напишите! – Фыркнула я.

Вдруг он осторожно взял меня за талию, так бережно, что я почти не ощущала прикосновения и было бы странно вырываться.

– Идея хорошая. Мы должны знать врагов. Но вы не враг, вы просто заблуждаетесь. С вами надо поработать, распропагандировать. – Промурлыкал Давид.

– Я принесу бинт и йод. – Язык плохо слушался меня. Запах бензина, табака и хвойного мыла, а ещё чистого разгорячённого тела… Я вдруг заметила край бинта в распахнутом вороте и сочувственно спросила.

– Так у вас не одно ранение? Вам, наверное, больно?

Мои руки коснулись его тела, под тканью ощущалась повязка. А объятия Гартмана вдруг показались стальными. Как он меня уболтал. Что значит чекист!

– Наверное, мужчине не должно нравиться, когда его жалеют. Но мне приятно. – Признался он, глядя на меня янтарными глазами. Под зрачками в янтаре тени. Он наклонился и

нежно коснулся губами моей щеки, потом губ. Я не удержалась. Аромат клубники, вкус клубники и его собственный. Наши языки скользили, робко лаская друг друга. Я потеряла представление о реальности.

Он оторвался от моего рта, быстро осыпал поцелуями шею, отчего по телу пробежали мурашки, а потом дыхание обожгло грудь. Жадные губы нашли сосок. Сквозь ткань ощущения были слабее. Наверное, Гартман тоже так решил, потому что слегка укусил. Я выгнулась и вцепилась в его гимнастёрку.

– Тили-тили тесто! – Раздался рядом громкий голос, мимо пробежала старшая из детдомовских девочек Надя. Мы с Давидом отшатнулись друг от друга.

– Вы только что за это просили прощения! – Дрожащим голосом напомнила я.

– Было бы лицемерием просить сейчас. Давайте напрямую – когда вы рядом, я просто не могу сдерживаться. Ну, дали бы пощёчину, чтобы в себя пришёл.

– Бить по лицу нельзя, это образ Божий.

– У большевика нет Божьего образа. – Нахмурился он.

«Есть, да ещё какой красивый», – хотела сказать я, но в монастыре учат сдерживать эмоции. Взяла себя в руки и быстро пошла к детям.

Вскоре мимо нас прошагал Давид, видимо, он вымыл руки у колодца.

– До встречи, товарищ Морозова! До свиданья, ребята!

– Они целовались! – Доложила Надя, показывая на меня и Давида.

– Как тебе не стыдно, доносчица. – Не сдержалась я, заливаясь краской.

– Донос – это хорошо, будет работать в ЧК. – Крикнул, оглянувшись, чекист-искуситель.

– Иуда был доносчиком. – Гневно ответила я. Пусть не думает, что навяжет мне свои извращённые взгляды.

Глава 3. Усмирение страстей

Теперь я каждый день ждала Давида, а он не приходил. Стала покупать советские газеты. Искала там новости про уездное ЧК. Иногда появлялся какой-нибудь угрожающий приказ. Ещё я узнала, что вместо Хватова у чекистов появился новый начальник – Илмар Янис. И только.

Посылала Марфу на базар за продуктами, потому что у неё был талант собирать слухи и сплетни. Может быть, принесёт весточку?

– А это ты, Лидочка, о чекистах расспрашиваешь? Боишься, снова нагрянут? – Щурилась Марфа. Она была далеко не дура. Таня тоже смотрела странно, словно в чём-то подозревала. Однажды, когда я полола огород с несколькими старшими детьми и Таней, она отвела меня в сторону и сказала обвиняюще:

– Я вас видела!

– Кого – вас?

– Тебя и чекиста. Как ты могла разговаривать с ним! Ещё и обняла!

– Обняла? Я не помню.

– Целовалась!

– Он прогнал Хватова. Разве не помнишь?

– И ты решила, что он хороший? Просто он хитрее Хватова. Хочет, чтобы ты доверилась ему. А потом оглянуться не

успеешь, как испоганит. И ничего ему за это не будет. Хватов возглавляет караульный батальон.

– Мне нет дела до твоего лысого урода! – Огрызнулась я, но поняла, что уже не доверяю Гартману как прежде. А вдруг Таня права? Вспомнился Демон из поэмы Лермонтова. Тот нечистый дух тоже явился послушнице и погубил её. Может быть, Гартман – мой Демон? Я пыталась вспомнить полное содержание поэмы. Но мысли более низменные отвлекли. Я осмелилась спросить у Тани:

– Ты всё пугаешь меня. А можешь честно сказать, быть с мужчиной ужасно или не совсем?

– Ты часами болтала с Ларисой, наверное, всё и так знаешь.

– Лариса разное говорила. Но она очень порочная, ей могло нравиться то, что других женщин оттолкнет.

– Ты разве не видела, что мне больно? Тот ублюдок словно горящее полено воткнул и ворочал. У меня кровь шла три дня. Напоминаешь то, что хочу забыть!

– На самом деле у него там ничего особенного. – Поморщилась я.

– Тебе есть, с чем сравнивать? – Презрительно спросила Таня и направилась к своим грядкам. Сравнивать было с чем – когда Гартман прижимал меня к себе, я ощутила сквозь ткань его брюк твёрдую выпуклость, как мне показалось, достаточно внушительную. Если бедной Тане оснащение Хватова показалось поленом, то что же можно ощутить с Гарт-

маном? Наверное, от боли можно лишиться чувств. Но он добрый. Наверное, остановится, если попросить? Или нет? Говорил, что голову теряет, если я рядом. Так и продолжит двигаться во мне, а я буду кричать, царапаться, кровь потечёт? От опасливых предположений появилось щекочущее томление между ног… Как мне вообще пришло в голову, что можно отдаться мужчине? Я схватила тяпку, начала ожесточенно рубить сорняки, чтобы отвлечь себя от нечистых помыслов.

Но помыслы не уходили. Ночью ворочалась с боку на бок, не зная, как прогнать ноющее чувство внизу живота, словно проснулся голод. Задела руками соски, он сразу стали твёрдыми. Не трогать! Это рукоблудие! Вскочила, думая, как затушить желание. Облиться ледяной водой у колодца? Так можно простыть, а лекарств нет.

Цепью надо обмотаться, вот что. И закрыть её на замок. Тогда будет не до низменных удовольствий. Так мудрые люди поступали в старые времена. Плоть нужно наказывать, если пытается подвести человека.

Я спустилась в кладовую, где видела тонкую длинную цепь – когда-то её использовали для колодца, но она порвалась пополам. Нашла маленький замок. Сняла платье. Обмотала цепь вокруг талии, потом перекинула наискосок через плечо. Опутала себя, насколько возможно. Перетянула поперёк груди. Соединила концы цепи, продела в них замочек, закрыла. Оделась. Пошла к колодцу и выбросила в него ключ,

чтобы не передумать.

Поначалу меня охватил восторг самоотречения. Прочь всё плотское! Больно? Трудно поворачиваться? Поделом! Легла в постель, было уже не до мыслей о Гартмане. Неудобно. Цепи врезаются в тело. Не надо было так затягивать. Я села на табурет, положив голову на стол, и провела ночь в тяжелой дрёме. А утром снова вспомнила о Гартмане. Сил желать чекиста больше не было, но сердце замирало при мысли о том, что придёт. Я стала думать, чем ещё могу заглушить страсть? Отказалась от еды.

Через пару дней появился Гартман. Я, невыспавшаяся, истощенная, сидела на пороге закрытой церкви, и сонно следила за играющими детьми, которые, завидев моего Демона, бросились к нему гурьбой.

Похоже голод и вериги сделали своё дело. Я тупо наблюдала за Гартманом, который отдал детям три коробки с красками, и торопливо поучал, как раскрашивать глиняные поделки, с тревогой поглядывая на меня.

– Товарищ Морозова, Вы даже не поздоровались, так обижены? Или плохо себя чувствуете? Вы бледненькая.

Он сел рядом.

– Я устала.

Сердце всё-таки слабо отозвалось на его голос, который я слышала, словно сквозь вату.

– Что с вами? – Испуганно спросил он, когда я вяло начала сползать с порога. Сознание не потеряла, просто ощу-

тила сильную слабость. Из морока вырвалась от приятного ощущения. Жаркое кольцо рук, широкая грудь, к которой я прижалась щекой. Давид меня поддержал.

– А это что?

Он с изумлением потрогал вериги сквозь ткань. Немного сдвинул ворот, изумленно воскликнул:

– Зачем вам эти железки? Эй, бабушка Марфа, подите сюда. Кто её цепями обмотал?

Марфа ахнула:

– Праведница! А мы и не знали!

– Как их снять? Смотрите, кожу до крови натерла!

Марфа строго уставилась на Гартмана:

– Грешнику не понять! Подвиг она несёт.

– Подвиг это ради людей. А здесь фанатизм.

Он подхватил меня на руки:

– Где её комната?

Марфа поковыляла впереди, распахнула дверь:

– Вот келья страдалицы! Положи и ступай с миром.

– А вы её угробите? Ну нет! – Он стал бесцеремонно стягивать платье. Я слабо отбивалась.

– Рятуйте! – Закричала Марфа.

– Действительно ужас. – Сказал Гартман. – Мракобесие!

Я попыталась прикрыться.

– Бабушка Марфа не причём, это мой личный выбор.

– Где ключ от замка?

– В колодце! – Почти твёрдо ответила я, потянув на грудь

край одеяла.

– Не нужна ей помощь! Изыди, окаянный! – Бушевала Марфа, дёргая чекиста за гимнастёрку. Похоже моё самоистязание она сочла за наитие свыше.

– Выйдите вон! – Рявкнул Гартман на Марфу, вытолкал её и задвинул засов.

- Сейчас попробую. – Он взялся пальцами за звено одной цепи, нахмурился и стал разгибать его. Неужели справится? Пальцы Гартмана побелели, на лбу выступили капельки пота. Металл щёлкнул, звено лопнуло, цепь разомкнулась. Он поспешно стал освобождать меня от вериг.

– Ты как на плакате – Россия в оковах царизма. – Улыбнулся он. – Йод у тебя есть? Ты упоминала.

– На полке.

– Не стесняйся, я уже всё разглядел. – От его откровенности меня бросило в жар.

– Почему ты такой сильный? Цепь, по сути, порвал. – Удивилась я.

– Много физической работы. Два года на каторге лес валили, брёвна таскали к пристани. Срок тянул за подпольную деятельность. В феврале 17-го всех политических освободило Временное правительство, и я вернулся в Саратовскую губернию.

Гартман нашёл аптечку. Оторвав часть бинта, смочил йодом, стал проводить там, где остались царапины. Я ёжилась.

– Зачем ты так с собой? – Поинтересовался он.

– Мне не нравились мои мысли. – Сдержанно пояснила я.

– Мне тоже не всё в себе нравится. Повернись спиной. – Он начал обрабатывать спину. – Но я же цепями себя не опутываю. Мне теперь уходить страшно, вдруг ещё что-нибудь придумаешь?

– А ты за меня беспокоишься?

Он повернул меня лицом к себе. Глянул на голые груди. И взял их в ладони.

– Это шедевр, – сказал он, нежно погладил, и соски тут же упёрлись в его горячие немного шершавые ладони.

– Опять? – Выдавила я и еле заставила себя попросить. – Не трогайте.

– А вот ты могла бы делать со мной всё, что захочешь. – Улыбнулся Гартман.

– Открывай, ирод! – Марфа колотила в дверь. Я подумала, что от Хватова она ни меня, ни Анюту не пыталась спасти, сидела в своей комнате, затаившись. А вот Гартман кажется ей не таким опасным. Он тяжело вздохнул и встал.

– Голая девушка сидит в постели, а я её оставляю. Как заснуть сегодня? Тоже себя цепями опутать? – Весело спросил он.

– Везде! – Ответила я, вынула из-под подушки ночную рубашку и надела.

– О! – Его приятно удивила моя дерзость. – И всё-таки, что за мысли заставили тебя надеть вериги?

– Ненависть к большевикам. Ведь следует молиться за

врагов, а я не могу. – Солгала я. Не говорить же, что пыталась усмирить свои чувства к нему.

– Если ты захотела избавиться от ненависти, возможно, когда-нибудь поймешь нас?

С надеждой спросил он.

– Никогда. Ты служишь преступной власти.

– Контра! – Воскликнул он азартно, словно заметил дичь. Но глядел с ласково. Наверное, это слово не сочеталось со мной, измученной, в ночной рубашке, на которой проступали пятна йода там, где остались царапины от вериг.

В келью заглянула Марфа, она, конечно, стояла под дверью.

– Ступайте отсюда. Не смущайте девицу. – Попросила она. Давид строго сдвинул брови:

– Бабушка, следите за ней, чтобы глупостей не натворила. Иначе вам отвечать.

– Прослежу. Идите на службу. – Дребезжала Марфа.

– Но к вам я совершенно ненависти не испытываю. Правда. Спасибо. – Сказала я Гартману, чувствуя, что если он уйдёт, считая меня врагом, буду мучиться до его следующего визита. А вдруг он больше не появится?

– Давайте на «ты». – Предложил Гартман. Я кивнула.

Гартман подошёл, наклонился, коснулся пальцем своей щеки. Я молча поцеловала его. Давид повернулся и вышел. Марфа широко перекрестила себя, меня, комнату.

– Не приваживай охальника. В подоле принесёшь.

На следующий день Марфа сообщила новость:

– Опять на станцию напали, говорят, убит чекист.

– Кто?

– Не всё ли равно?

– Не всё. – Я выскочила за ворота, была готова бежать в ЧК. Что это со мной? Нельзя жалеть разрушителей!

Жизнь превратилась в ад. Каждый день я ждала Гартмана, а он не приходил. Утро я встречала в слезах, вечером снова рыдала. Кое-как держалась при детях. Через пару дней Марфа явилась с кислой миной и сообщила:

– Чекист убиенный был из питерских рабочих, приезжий. Нынче похоронили. А ты вся изревелась. Думаешь, твоего чернявого отнесли?

– Спасибо, Марфа, что узнала!

– Вернулась бы матушка Аглая, она задала бы тебе жару! За косу выдрала бы! Посохом отходила! Жаль, я тебе не начальница.

– Крёстная поняла бы меня. Тем более, что здесь теперь светское учреждение, а не обитель. – Выговорила я Марфе. Но поняла, что мне не будет покоя, пока Гартман служит в ЧК. Во-первых, потому что его могут убить. Во-вторых, он сам, наверное, убивает. Этому надо положить конец. И как? Мелькнуло воспоминание о том, как Хватова вышвырнули с руководящего поста за изнасилование, но теперь он благополучно командует караульной ротой. С Давидом должно случиться подобное! Вот только у него нет брата в Губчека,

поэтому его даже рядовым не оставят.

Подписывайтесь.

Давида ждут два сюрприза – приятный и ужасный.

Глава 4. У меня никого не было

Сначала я хотела найти в городе Ларису и уговорить её соблазнить Гартмана, а потом написать донос о насилии. Или пусть подошлёт одну из своих подруг. Но кто поверил бы проститутке? К тому же я ощущала, что не в силах толкнуть Гартмана в чужие объятия. Во мн

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.